

УДК 81-11
ББК 81.2Р
З - 63

Зинченко Милена Михайловна, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Кубанского государственного университета, т.: 8(918)1381642, e-mail: milenushka87@mail.ru

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И
«СМЕРТЬ» В ЯЗЫКЕ РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

(рецензирована)

Предмет исследования: гендерные особенности реализации концептов «жизнь» и «смерть» в текстах реалистических произведений. Объект – речь персонажей произведений русской литературы. Цель исследования: сравнить признаки концептов «жизнь» и «смерть», выявленные в ходе исследования, с признаками, зафиксированными в толковых словарях. Задачи: классифицировать выявленные признаки концептов и сравнить их со словарными признаками.

Ключевые слова: концепт, гендер, «жизнь», «смерть», признак концепта.

Zinchenko Milena Michailovna, seeker of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology of the Kuban State University, tel.: 8 (918) 1381642, e-mail: milenushka87@mail.ru

**GENDER SPECIFIC OF THE REALIZATION OF THE CONCEPTS 'LIFE' AND
'DEATH' IN REALISTIC WORKS OF RUSSIAN LITERATURE**

(Reviewed)

The subject of the research is gender-sensitive implementation of the concepts of "life" and "death" in the texts of realistic works. The object is the speech of the characters of Russian literature. The objective is to compare the features of the concepts of "life" and "death" identified in the study, with features recorded in the dictionaries. Objectives: To classify the identified attributes of concepts and to compare them with the dictionary attributes.

Keywords: concept, gender, life, death, a sign of the concept.

В лингвистических работах последнего десятилетия все большее внимание уделяется гендерным исследованиям. Этим термином обозначаются исследования, изучающие культурные, социальные, языковые факторы, определяющие не только отношение социума к мужчинам и женщинам, но и речевое поведение носителей языка в связи с их принадлежностью к тому или иному полу, а также стереотипные представления о мужских и женских качествах [1, с. 133].

Данное исследование посвящено изучению гендерной специфики реализации концептов «жизнь» и «смерть».

В данном исследовании мы придерживаемся определения, данного Ю.С. Степановым: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [2, с.40].

Концепт принято считать условной ментальной единицей лингвокультурологии, поскольку концепт скрывает за собой не только какой-либо конкретный предмет или явление, а целый ряд представлений о нем, вербализующихся в речи человека. Таким образом, концептуальный анализ представляет собой обратный процесс от слова до представления в сознании человека и позволяет восстановить представления автора о том или ином фрагменте мира [3].

Для нашего исследования в качестве респондентов послужили литературные персонажи женского пола. Выборку составили их реплики, размышления, высказывания. В ходе исследования были выделены следующие семь групп семантических признаков концепта «жизнь».

1. Жизнь как срок. Данная группа содержит контексты, называющие неопределенный срок, никаких конкретных отрезков времени. Например: «*Видать, всю жизнь у маменьки под юбкой сидел*» [4]. *Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала – на всю жизнь памятно...* [5, с. 907]. *Жизнь твоя будет долгая* [6, с. 132]; «...вы молоды – *вся жизнь перед вами*» [7, с. 456]. Обратим внимание на то, что в первом контексте жизнь упоминается, как нечто, уже прошедшее, в то время как во втором примере – как только еще предстоящие события.

2. Жизнь как синоним жительствова. В этой группе находят отражение контексты, в которых «жизнь» имеет оттенок прикрепленности к месту: «*Прежде я по зимам жила в Москве...*» [7, с. 428]; «*Что ж, ничего, - и там люди живут*» [8, с. 35].

В данном контексте, исходя из словесного окружения интересующей нас лексемы, видно, что уровень жизни в указанном месте не очень высок. Таким образом, косвенно реализуется признак 'нечто негативное'. *И чего... зачем я живу здесь... с вами?* [5, с. 941]. В этом примере видим размышления не только над целью проживания в определенном месте, но и над смыслом своей жизни вообще.

3. Жизнь как нечто негативное. В контекстах данной группы жизнь представляется неустроенной, несчастливой, неприятной. Приведем примеры: «*Я очень устала, я стара, мне кажется, я очень давно живу*» [7, с. 453]; *Ах, опротивело мне все! Вся жизнь... все люди!..* [5, с. 941]. В этих двух примерах негативное отношение к жизни вызвано неким разочарованием в этой жизни. Однако очевидно, что степень усталости и неприязни к жизни разная. *Несколько раз Олеся пыталась пройти сквозь это живое ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину* [6, с.182]; «*А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать*» [8, с. 86]. В последнем примере отрицательная оценка жизни обусловлена утратой жизненных ценностей, в особенности любви. Поэтому в данном контексте также имеет выражение и признак 'жизненные ценности'.

Важно отметить, что практически во всех контекстах в различной степени выражается усталость от жизни, можно сказать, что женщины не считают жизнь чем-то негативным, не убедившись в этом на деле. Только собственный печальный опыт заставляет их держаться такого мнения.

4. Жизнь как существование. В этой группе представлены контексты, в которых понимание жизни нейтрально, не сопровождается выражением эмоций, оценок. Этот признак ('форма существования материи') является одним из словарных признаков. Например: *[Анна] Жива еще?* [5, с. 917]. В данном контексте о жизни говорится как о физиологическом процессе, то есть о жизнедеятельности организма. «*Я вам когда-нибудь расскажу свою жизнь...*» [7, с. 452]. «*Как поживаете, как дела ваши?*» [8, с. 42]. Отметим, что в словах Одинцовой жизнь предстает длинной цепочкой событий. В отличие от нее Огудалова упоминает жизнь как что-то сиюминутное, происходящее в данный момент.

5. Жизненные ценности. Данная группа содержит контексты, в которых понятие жизни соседствует с понятием ценности, но не самой жизни, а вещей,

которые, по мнению женщин, делают эту жизнь более приятной. Приведем примеры: «*Теперь живем не тужим!*» [4, с.111]. Этот контекст относится к тому отрывку повести, где отряд, в котором служит Марютка, грабит караван. Таким образом, ее представление о ценностях жизни в момент речи сводятся целиком к материальному благополучию. «*Нет, нет, незачем!.. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому!*» [8, с. 87]. В этом примере понятие жизни не выражено вербально, но мы можем понять, что мешать Лариса не хочет именно своим существованием, своей жизнью. Здесь речь идет о ценностях утраченных, без которых и сама жизнь не имеет дальнейшего смысла. Похожий смысл имеет следующий контекст: *Я несчастлива оттого... что нет во мне желания, охоты жить* [7, с. 453]. *Ну-ну, хитрости! Без хитростей на свете не проживешь* [8, с.34]. В данном примере отражена значимость в жизни таких качеств, как смекалка, изворотливость, изобретательность, лукавство.

6. Характеристика образа жизни. В контекстах данной группы наблюдается атрибутивная связь лексем с семантикой жизни с их словесным окружением. Например: «*”Машенька, уедем на постельке валяться, жить тихонько”*, - *передразнила она*» [4, с. 118]; «*Ну да потому, что ведь ты на мне женишься и, значит, жизнь наша будет одинаковая*» [9, с.136]; *Небось без няньки жить не можешь?* [4, с. 109]. В последнем контексте реализуется также признак ‘жизненные ценности’, поскольку подчеркивается невозможность жизни без должного ухода и заботы.

7. Жажда жизни. К этой группе относятся контексты, в которых ярко выражено сознание радости, необходимости просто жить и нежелания умирать. Например: «*Ну... еще немножко... пожить бы... немножко!*» [5, с. 914]; «*Никому они [птицы, животные] худого не делают, а жить им хочется так же, как и нам с вами*» [6, с.135]. Заметим, что в первом контексте желание жить появляется только на пороге смерти, в то время, как в последнем примере говорится о жажде жизни, не вызванном близостью гибели или иной опасности. Кроме того, в первом контексте идет речь о жизни человека, а во втором – о жизни животных. Можно сделать вывод, что человеку свойственно не ценить жизнь, осознавая ее полноту и разнообразие только на смертном одре.

В ходе исследования было выявлено, что в женской речи не реализуются некоторые семантические признаки концепта «жизнь», которые можно найти в мужской речи. К ним относятся: ‘жизнь как вечность’; ‘жизнь как нечто, не зависящее от человека’; ‘жизнь как процесс познания’; ‘живое – значит реальное, настоящее’; ‘жизнь, приносящая радость’; ‘жизнь как период, этап; жизнь как сознательный выбор пути’; ‘символика жизни’. Отсутствие этих признаков доказывает, что женское представление о жизни заметно уже, проще, чем мужское. Однако в женской речи реализуются и такой признак концепта «жизнь (не выраженный в мужской речи), как ‘жажда жизни’. Это говорит о том, что женщины, видимо, больше дорожат жизнью, чем мужчины.

Концепт «смерть» в речи женщин также выражен в меньшей степени, чем у мужчин. На это указывает количество как групп, так и самих контекстов.

В ходе исследования были выявлены следующие восемь групп семантических признаков концепта «смерть».

1. Смерть как прекращение существования. Данная группа является одной из наиболее обширных. Скорее всего, это обусловлено большей распространенностью указанного признака в понимании человека. Примеры: *Никогда вы не женитесь, так холостым и умрете* [6, с. 141]; *«Помираю, вот...»* [5, с. 909]; *Помрет ведь... Что я Евсюкову скажу?* [4, с. 105]. В последнем примере, помимо факта смерти, выражается озабоченность последствиями гибели, которые являются не менее важными.

2. Смерть как нечто ужасное. В эту группу объединены контексты, в которых смерть представляется как нечто пугающее, очень неприятное, внушающее страх. Приведем примеры: *«А пуще всего боялась – помрешь ты с голоду»* [4, с.108]; *Знаешь... мало знать, ты – понимай. Ведь умирать-то страшно...* [5, с.900]; *Страшно мне вдруг сделается, будто он неживой передо мной стоит* [6, с.142]; *«Я как поглядела на него, так и пошевелиться не могу; вижу, сидит Яков, а лицо у него мертвое, зеленое...»* [6, с.142].

В каждом из этих примеров можно обнаружить признаки разговорного стиля, даже просторечные элементы, что, вероятно, указывает на то, что представление о смерти как о чем-то ужасном, страшном характерно, прежде всего, для простых женщин из народа. Можно предположить, что женщинам более образованным такое мнение не свойственно.

3. Смерть как плод воображения. В эту группу объединены контексты, в которых смерть предстает объектом ментальных действий, таких, как, например, *думать, представлять, размышлять*. Например: «*А то... вообразу себе, что завтра я... скоростижно помру... <...> Летом хорошо вообразать про смерть...*» [5, с. 926]. В данном контексте жизнь предстает не просто плодом воображения, но даже чем-то приятным.

4. Своя смерть как избавление. К этой группе относятся контексты, в которых своя смерть понимается как жалоба о жизни, как спасение от каких-либо жизненных перипетий, мучений. Приведем примеры: «*Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем*» [8, с. 84]. В данном контексте смерть выступает не просто как избавление от мук, а как нечто очень желанное. Размышление о смерти практически принимает форму просьбы. «*Ну... одно тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! – как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я – себя не пожалею... или сама удавлюсь, или...*» [5, с. 932]; «*<...> уж лучше мне умереть сейчас, коли меня в таком деле подозревать могут <...>*» [7, с. 506]. В двух последних примерах, помимо указанной семантики, реализуется коннотация угрозы от оскорбленного человека.

5. Чужая смерть как избавление. Данная группа содержит контексты, в которых выражено если не пожелание кому-либо смерти, то радость или осознание выгоды от чьей-либо смерти. Например: «*Как издох мой милый муженек, - ни дна бы ему ни покрышки, - так я целый день просидела: сижу и все не верю счастьем своему...*» [5, с. 907]; «*Ведь вот хорошо, что она умерла... а жалко...*» [5, с. 922]. Интересно, что в первом контексте смерть человека приносит облегчение третьим лицам, в частности его жене, а во втором примере смерть приносит облегчение только умершей женщине, так как нельзя сказать, что окружающие этому рады, поскольку они ее жалеют.

6. Смерть как степень чего-либо. В эту группу объединены контексты, в которых смерть понимается как точка отсчета, как мера некоторых вещей, например, неприятностей, ненависти и т.д.: «*Нехорошо выходит этой трефовой даме, хуже смерти*» [6, с. 141]; «*Ты вон заездил жену-то до полусмерти...*» [5, с. 892]; «*Когда же меня-то будет любить хоть кто-нибудь? Доведете вы меня до гибели?!*» [8, с. 39].

В последнем примере имплицитно реализован концепт «жизнь», точнее – его признак ‘жизненные ценности’. Иначе говоря, героиня дает понять, что без любви и взаимности, она не хочет продолжать эту жизнь и желает умереть.

7. Пожелание смерти кому-либо. Здесь сгруппированы контексты, в которых слова с семантикой смерти сочетаются со словами с оттенком желания. Кроме того, можно встретить проклятия, содержащие упоминание о смерти. Например: «*Волки! Чтоб вам **издохнуть!** Волки!*» [5, с. 945]; «*Вот... еще не жена я тебе, а уж хочешь **убить!***» [5, с. 932]. В последнем контексте, помимо указанного признака, ясно показано положение замужней женщины в семье, так как видна тесная связь между замужеством и физической расправой.

8. Убийство. В отличие от мужского, женское понимание этого признака не так многогранно. Женщиной убийство воспринимается как факт, преступление, но практически не придается значения его причинам. Приведем пример: «*Люди добрые... сестра моя и Васька **убили!***» [5, с. 940]; «*Она... это она подговорила его мужа **убить!**... муж им мешал... и я – мешала...*» [5, с.939]; «***Убили** мужа моего... ваше благородие.. Васька Пепел. Вор... он **убил**, господин пристав!*» [5, с. 940]. Важно отметить то, что во всех этих контекстах глагол *убить* употреблен в форме прошедшего времени, в третьем лице. То есть женщины скорее сообщают о совершенном кем-то убийстве, нежели о своем намерении кого-то убить.

Таким образом, видим, что в речи женщин отсутствует ряд признаков концепта «смерть», которые выражены в мужской речи, такие, как: ‘абсолютная сила’, ‘причина смерти’, ‘неизбежность смерти’, ‘смерть как нечто обыденное’, ‘одушевленное существо’, ‘смерть как срок’ и ‘убийство’. Это указывает на то, что женское представление о смерти значительно уже мужского. Видимо, вопрос смерти мало занимает женщин. Но в то же время выделены и признаки, которые отсутствуют в речи мужчин, но присутствуют в речи женщин. К ним относятся: ‘высшая степень чего-либо’ и ‘нечто нереальное’. Этот факт позволяет судить о таких женских качествах, как эмоциональность и мечтательность, одухотворенность.

Литература:

1. Ольшанский И.Г. [Рецензия] // Филологические науки. 2000. № 3. С.133. Рец. на кн.: Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. М., 1999.

2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
3. Крючкова Н.В. Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета: труды и материалы / под ред. [К.Р. Галиуллина](#). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
4. Лавренев Б.А. Сорок первый. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/lavrenev/04.html>.
5. Горький М. Избранные сочинения. На дне. М., 1986.
6. Куприн А.И. Повести и рассказы. Олеся. М., 1989.
7. Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. М., 1983.
8. Островский Н.А. Бесприданница. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0190.shtml.
9. Короленко В.Г. Повести. Рассказы. Слепой музыкант. М., 1984.